

**Александр Николаевич
Островский**

Бешеные деньги

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-2
ББК 84-6

Александр Николаевич Островский

Бешеные деньги / Александр Николаевич Островский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-2296-5

Александр Николаевич Островский и по сей день является самым популярным русским драматургом. Его экранизируют, по его пьесам ставят спектакли. Кажется, только появившись на свет, пьесы Островского обречены были стать русской классикой: настолько ярки и одновременно обобщенны характеры его героев.

ISBN 978-5-4241-2296-5

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Александр Николаевич
Островский.
Бешеные деньги

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(вместо пролога)

ЛИЦА:

Савва Геннадич Васильков, провинциал, лет 35. Говорит слегка на «о», употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги: «когда же нет» – вместо «да»; «ни Боже мой» – вместо отрицания, «шабер» – вместо «сосед». Провинциальность заметна и в платье.

Иван Петрович Телятев, неслужащий дворянин, лет 40.

Григорий Борисович Кучумов, лет 60, важный барин, в отставке с небольшим чином, имеет и по жене и по матери много титулованной родни.

Егор Дмитрич Глумов.

Надежда Антоновна Чебоксарова, пожилая дама с важными манерами.

Лидия Юрьевна, ее dochь, 24 лет.

Андрей, слуга Чебоксаровых.

Григорий, слуга Телятева.

Николай, слуга Кучумова.

Мальчик из кофейной.

Гуляющие.

В Петровском парке, в саду Сакса; направо от зрителей ворота в парк, налево кофейная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Проходят гуляющие, некоторые останавливаются и читают афиши на воротах. Телятев и Васильков выходят из кофейной.

Телятев (что-то жует). Ну да, ну да. (В сторону.) Когда он отстанет!

Васильков. Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная девица.

Телятев. Вот новость! Какое открытие вы сделали. Кто же этого не знает! (Снимает шляпу и кланяется.) Совершенная правда-с. Чебоксарова хороша – дважды два четыре. Вы еще такой бесспорной истины не знаете ли?

Васильков. Я хотел вам сказать, что она мне очень понравилась.

Телятев. Еще лучше. Да кому же она не нравится! Помилуйте вы меня! И что тут для меня интересного, что она вам нравится? Вы, должно быть, издалека приехали?

Васильков. Да, не близко-таки.

Телятев. Вот бы вы меня удивили, если бы сказали, что вы ей понравились. Это была бы штука любопытная. А что она вам нравится, диковины тут нет. Я знаю человек пятнадцать, которые в нее влюблены без памяти, только из взрослых людей, а если считать с гимназистами, так и конца нет. А вы знаете что? Вы попробуйте сами ей понравиться.

Васильков. Да разве ж это так трудно?

Телятев. Ну, да уж я вам скажу.

Васильков. А что ж нужно для того? Какие качества?

Телятев. Такие, каких нет у нас с вами.

Васильков. А позвольте, например?

Телятев. А например: полмиллиона денег или около того.

Васильков. Это ничего...

Телятев. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего.

Васильков. Хотя ни то, ни другое; но нынче такое время, что с большим умом...

Телятев. Вот, видите ли, с умом, да еще с большим. Значит, прежде надо ум иметь. А у нас большие умы так же редки, как и миллионы. Да оставимте лучше об уме говорить; а то кто-нибудь из знакомых услышит, смеяться станут. Умные люди сами по себе, а мы сами по себе. Значит, ум побоку. Ну его! Где его взять, коли Бог не дал!

Васильков. Нет, я не так скоро откажусь от этой способности. Но что же еще нужно, чтобы ей понравиться?

Телятев. Красивый гвардейский мундир, да чин, по крайней мере, полковника, да врожденную светскость, которой уж научиться никак нельзя.

Васильков. Это же очень странно. Неужели никакими другими достоинствами, никакими качествами ума и сердца нельзя покорить эту девушку?

Телятев. Да как же она узнает про ваши качества ума и сердца? Астрономию, что ли, вы напишете да будете читать ей!

Васильков. Жалею, очень жалею, что она так недоступна.

Телятев. Да вам-то что же?

Васильков. Вот, видите ли, я с вами откровенно буду говорить; у меня особого рода дела, и мне именно нужно такую жену, блестящую и с хорошим тоном.

Телятев. Ну, да мало ли что кому нужно! Что вы богаты очень?

Васильков. Нет еще.

Телятев. Значит, надеетесь разбогатеть.

Васильков. В настоящее время...

Телятев. Да что вы все с настоящим временем?

Васильков. Потому более, что именно в настоящее время разбогатеть очень возможно.

Телятев. Ну, это кому как бог даст. Это еще буки. А в настоящее-то время вы имеете что-нибудь верное? Скажите! Я вас не ограблю.

Васильков. Я вполне уверен, что не ограбите. Верного я имею, без всякого риска, три лесные дачи при моем имении, что может составить тысяч пятьдесят.

Телятев. Это хорошо, пятьдесят тысяч деньги; с ними в Москве можно иметь на сто тысяч кредита; вот вам и полтораста тысяч. С такими деньгами можно довольно долго жить с приятностями.

Васильков. Но ведь надо же будет платить наконец.

Телятев. А вам-то какая печаль! Что вы уж очень заботливы! Вот охота лишнюю думу в голове иметь! Это дело предоставьте кредиторам, пусть думают и получают, как хотят. Что вам в чужое дело мешаться: наше дело уметь занять, их дело уметь получить.

Васильков. Не знаю, таких операций не производил; наши операции имеют совсем другие основания и расчеты.

Телятев. Вы еще молоды, дойдете и до наших расчетов.

Васильков. Не спорю. Но позвольте просить вас познакомить меня с Чебоксаровыми. Хотя я имею мало вероятности понравиться, но надежда, знаете ли,

никогда не покидает человека. Я как увидал ее с неделю тому назад, все о ней и мечтаю. Я узнал, где они живут, и в том же доме квартиру нанял, чтобы видеть ее почаше. Стыдно деловому человеку увлекаться, но что делать, я в любви еще юноша. Познакомьте, прошу вас.

Телятев. Извольте, с удовольствием.

Васильков (*крепко жмет ему руку*). Если я вам могу быть чем-нибудь полезен...

Телятев. Бутылку шампанского, я других взяток не беру. Будет бутылка?

Васильков. Когда же нет! Во всякое время и сколько вам угодно. (*Крепко жмет Телятеву руку*.) Я, право, так вам благодарен.

Телятев. Да позвольте, позвольте руку-то! Это черт знает что!

Васильков (*оглядывается, не выпуская руки Телятева*). Кажется, они?

Телятев. Они, они.

Васильков. Пойду поближе, полюбоваться. Право, я такой чувствительный! ... Вам, может быть, смешно.

Телятев. Да вы руку-то...

Васильков. Извините! Я надеюсь вас найти на этом месте.

Телятев. Надейтесь.

Васильков *поспешно уходит. Входит Глумов.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Телятев и Глумов.

Глумов. Что за шут гороховый с тобой разговаривал?

Телятев. Это мне бог на шапку послал за мою простоту.

Глумов. Что ж тебе за барыш?

Телятев. Шампанским поит.

Глумов. А! Это недурно.

Телятев. Я вот погляжу, погляжу на него, да должно быть, денег у него займу.

Глумов. Это еще лучше, коли даст, разумеется.

Телятев. Думаю, что даст; я ему нужен.

Глумов. Перестань, сделай милость! Кому и для чего ты можешь быть нужен!

Телятев. А вот слушай.

Глумов. Слушаю.

Телятев. Я увидал его в первый раз здесь, в парке, с неделю тому назад. Иду я по той аллее и издали вижу: стоит человек, разиня рот и вытаращив глаза; шляпа на затылке. Меня взяло любопытство, на что он так удивляется. Слона не водят, петухи не дерутся. Гляжу, и что ж бы ты думал, на кого он так уставился? Угадай!

Глумов. На кого? Не знаю. Какое диво в парке может быть?

Телятев. На Чебоксарову.

Глумов. У него губа-то не дура.

Телятев. Коляска Чебоксаровых остановилась, кругом нее толпа молодежи; они обе разговаривали с кем-то, уж не знаю; а он стоит поодаль, так и впился глазами. Коляска тронулась, он бросился вслед за ней, человек пять сшиб с ног, и мне досталось. Стал извиняться, тут мы и познакомились.

Глумов. Поздравляю.

Телятев. А сегодня, представь себе, увидал, что я разговаривал с Чебоксаро-

выми, ухватил меня чуть не за ворот, втащил в сад, спросил бутылку шампанского, потом другую, ну, мы и выпили малым делом. А вот здесь открылся мне, что влюблен в Чебоксарову и желает на ней жениться. Видишь ты, по его делам, – а какие у него дела, сам черт не разберет, – ему именно такую жену нужно; ну, разумеется, просил меня познакомить его с ними.

Глумов. Ах он, эфиоп! Вот потеха-то! Приехал откуда-то из Камчатки и прямо женится на лучшей нашей невесте. Видишь ты, у него дела такие, что ему непременно нужно жениться на ней. Какая простота! Ма-ло ли у кого какие дела! Вот и у меня дела такие, что мне нужно на богатой невесте жениться, да не отдают. Что он такое за птица? Что он делает, по крайней мере?

Телятев. Это уж одному аллаху известно.

Глумов. Объясни мне его слова, манеры, и я тебе сразу скажу, кто он.

Телятев. Нет, пожалуй, и с двух не скажешь. Он дворянин, а разговаривает, как матрос с волжского парохода.

Глумов. Судохозяин, свои пароходы имеет на Волге.

Телятев. Стал расплачиваться за вино, вынул бумажник вот какой (*показывает руками*), пол-аршина, наверное. Чего там нет! Акции всякие, счеты на разных языках, засаленные письма на серой бумаге, писанные мужицким почерком.

Глумов. Да богат он?

Телятев. Едва ли. Говорит, что есть имение небольшое и тысяч на пятьдесят лесу.

Глумов. Невелико дело. Виноват, он не пароходчик.

Телятев. Он небогат или скончался, заплатил за вино – и сейчас же при мне записал в книжку в расход.

Глумов. Не конторщик ли? А как характером?

Телятев. Прост и наивен, как институтка.

Глумов. Прост и наивен... не шулер ли?

Телятев. Не могу сказать. А вот пьет шампанское, так на диво: отчетливо, методически, точно воду зельтерскую. Выпили по бутылке, и хоть бы краска в лице прибавилась, хоть бы голос поднялся.

Глумов. Ну, так сибиряк, наверное, сибиряк.

Телятев. Сигары курит дорогие, по-французски говорит отлично, только с каким-то акцентом небольшим.

Глумов. Теперь знаю, агент какого-нибудь торгового дома лондонского, и толковать нечего

Телятев. Разбирай его, как знаешь! Вот задачу-то задал!

Глумов. Ну, да кто бы он ни был, а комедию сыграть нужно. Мы уж и то давно не смеялись, все приуныли что-то.

Телятев. Только в твоей комедии комические-то роли, пожалуй, достанутся нам.

Глумов. Нет, мы будем играть злодеев, по крайней мере, я... И вот с чего начинается: ты познакомь этого чудака с Чебоксаровыми, а я скажу Надежде Антоновне, что у него золотые прииски; и будем любоваться, как она станет за ним ухаживать.

Телятев. А ну как узнают, что это вздор, как окажется, что у него только и есть чухломская деревня?

Глумов. А нам-то что! Мы скажем, что от него слышали, что он сам хвастал.
Телятев. Ну, зачем же!

Глумов. Что ж, тебе его жалко? Эка телячья натура! Ну, мы скажем, что ошиблись, что у него не золотые прииски, а прииски брусники по лесам.

Подходит Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Телятев, Глумов и Васильков.

Телятев. Нагляделись на свою красавицу?

Васильков. До сътости.

Телятев. Позвольте вас познакомить! Савва Геннадич Васильков, Егор Дмитрич Глумов.

Васильков (*крепко жмет руку Глумова*). Очень приятно.

Глумов. А мне вот неприятно, что вы крепко руку жмете.

Васильков. Извините, провинциальная привычка.

Глумов. Вас зовут: «Савва»; ведь это не то, что Савватий?

Васильков (*очень учтиво*). Нет, то другое имя.

Глумов. И не то, что Севастьян?

Васильков. Нет, Севастиан по-гречески значит: достойный почета, а Савва – слово арабское.

Глумов. А Савёл?

Васильков. Ну, уж напрасно. Возьмите святыи и посмотрите.

Телятев. Вы и по-гречески знаете?

Васильков. Учился немного.

Глумов. А по-татарски?

Васильков. Простой разговор понимаю – казанское наречие, а вот в Крыму был, так с трудом объяснялся.

Глумов (*в сторону*). Уж это черт знает что такое!

Телятев. А вы давно из Крыма?

Васильков. Дней десять, не более. Я проездом был, из Англии.

Глумов (*в сторону*). Как врет-то!

Телятев. Как же вы из Англии в Крым попали?

Васильков. А на Суэцком перешейке земляные работы меня интересовали и инженерные сооружения.

Глумов (*в сторону*). А может быть, и не врет. (*Василькову*.) Вы нас застали, когда мы про брак разговаривали, то есть не про тот брак, который бракуют, а про тот, который на простонародном языке называется.

Васильков. Хороший разговор.

Глумов. Вот я хочу посвататься на Чебоксаровой.

Васильков. Судя по ее красоте, вероятно, многие желают того же.

Глумов. Но эти многие глупы; они сами не знают, зачем хотят жениться. Красота им нравится, и они хотят только сами воспользоваться этой красотой, то есть похоронить ее, как мертвый капитал. Нет, красота не мертвый капитал, она должна приносить проценты. Только дурак может жениться на Чебоксаровой без расчета; на ней должен жениться или шулер, или человек, составляющий карьеру. У первого ее красота будет служить приманкой для неопытных юношей, у другого – приманкой для начальства и средством к быстрому повышению.

Васильков. Я буду спорить.

Глумов. Вот вам расчет верный и благоразумный! Вот вам современный взгляд на жизнь.

Васильков. Я буду спорить.

Глумов. Все эти кислые толки о добродетели глупы уж тем, что непрактичны. Нынче век практический.

Васильков. Позвольте, я буду с вами спорить.

Глумов. Спорьте, пожалуй,

Васильков. Честные расчеты и теперь современны. В практический век честным быть не только лучше, но и выгоднее. Вы, кажется, не совсем верно понимаете практический век и плутовство считаете выгодной спекуляцией. Напротив, в века фантазии и возвышенных чувств плутовство имеет более простора и легче маскируется. Обмануть неземную деву, заоблачного поэта, обыграть романтика или провести на службе начальника, который занят элегиями, гораздо легче, чем практических людей. Нет, вы мне поверьте, что в настоящее время плутовство спекуляция плохая.

Телятев. Чебоксаровы подходят.

Васильков (*быстро хватая его за руку*). Познакомьте; умоляю вас!

Телятев. Ой! (*Отдергивает руку*) С величайшим удовольствием.

Подходит Надежда Антоновна и Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков, Телятев и Глумов.

Телятев (*Надежде Антоновне*). Хотите, с миллионщиком познакомлю?

Надежда Антоновна. Да ты, тюлень, и солгать не дорого возьмешь.

Телятев. Ведь я даром: процентов с вас не возьму.

Надежда Антоновна. Познакомь! Да, ведь ты дрянь, тебе верить нельзя.

Телятев. Ей-богу! Ну, вот еще!... Савва Геннадич!

Надежда Антоновна. Погоди, погоди! Что за имя!

Телятев. Ничего! Не бойтесь! Миллионщиков всегда так зовут.

Васильков подходит.

Честь имею вам представить друга моего, Савву Геннадича Василькова.

Надежда Антоновна. Очень приятно.

Васильков. Искренне желал. Знакомства в Москве не имею.

Телятев. Отличный человек, по-гречески говорит. (*Отходит к Лидии.*)

Надежда Антоновна. Судя по вашему имени, вы в Греции родились?

Васильков. Нет, я в России, недалеко от Волги.

Надежда Антоновна. Вы где живете?

Васильков. В деревне, а то все в разъездах.

Надежда Антоновна (*Глумову*). Егор Дмитрич, сыщите моего человека!

Глумов подходит.

Васильков. Да позвольте, я бегом сбегаю. Его как зовут?

Надежда Антоновна. Андреем.

Васильков. Сию минуту отыщу вам.

Надежда Антоновна. Возьмите у него мою шаль, что-то сырьо становится.

(Говорит тихо с Глумовым.)

Васильков уходит.

Телятев (*Лидии*). Я против сырости меры принял.

Лидия. Жаль; вы такой добрый, вас можно бы любить, но вы такой развратный человек.

Телятев. Я развратный человек?... Да вы добродетельней меня не найдете. Я вам сейчас докажу.

Лидия. Докажите!

Телятев. Извольте! Я вам представлю моего соперника, который уничтожит меня в вашем сердце.

Лидия. Это совсем не так трудно; гораздо легче, чем вы думаете.

Васильков с шалью почти бегом подбегает к Надежде Антоновне; за ним Андрей.

Васильков. Нашел, вот он здесь-с. (*Подает шаль.*)

Надежда Антоновна. Ах, как вы меня испугали! (*Надевает шаль.*) Благодарю вас. Андрей, вели коляске дожидаться у театра.

Андрей. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Телятев (*Василькову*). Савва Геннадич!

Лидия. Какое имя!... Он иностранец?

Телятев. Из Чухломы.

Лидия. Какая это земля? Я не знаю. Ее нет в географии.

Телятев. Недавно открыли. (*Васильков подходит.*) Позвольте вам представить моего друга Савву Геннадича Василькова.

Лидия кланяется.

Он бывал в Лондоне, в Константинополе, в Тетюшах, в Казани; говорит, что видел красавиц, но подобных вам – никогда.

Васильков. Да перестаньте же! Я конфужусь.

Лидия. Вы знаете в Казани мадам Чурило-Пленкову?

Васильков. Когда же нет!

Лидия. Она, говорят, разошлась с мужем.

Васильков. Ни боже мой!

Лидия. Подворотникова знаете?

Васильков. Он мой шабёр.

Лидия взглядывает на Телятева. Несколько времени молчания. Васильков, конфузясь, отходит.

Лидия. На каком он языке говорит?

Телятев. Он очень долго был в плену у ташкентцев. (*Говорят тихо.*)

Глумов (*Надежде Антоновне*). У него прииски, самые богатые по количеству золота, из каждого пуда песку фунт золота намывают.

Надежда Антоновна (*взглядывает на Василькова*). Неужели?

Глумов. Он сам говорит. Оттого он так и дик, что все в тайге живет, с буряками.

Надежда Антоновна (*ласково смотрит на Василькова*). Скажите! По наружности никак нельзя догадаться.

Глумов. Как же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надеть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него все карманы набиты чистым золотом; он прислуге на водку дает горстями.

Надежда Антоновна. Как жаль, что он так неразумно тратит деньги.

Глумов. А для кого же ему беречь, он человек одинокий. Ему нужно хорошую

жену, а главное, умную тещу.

Надежда Антоновна (*очень ласково смотрит на Василькова*). А он ведь и собой недурен...

Глумов. Да, между тунгусами был бы даже красавцем.

Надежда Антоновна (*Лидии*). Пройдем, Лидия, еще раз. Господа, я гуляю, мне доктор велел каждый вечер гулять. Кто с нами?

Васильков. Если позовите.

Надежда Антоновна (*приятно улыбаясь*). Благодарю вас, очень рада.

Уходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глумов и Телятев.

Глумов. Ну, комедия начинается.

Телятев. Ты таки сказал?

Глумов. Разве я пропущу такой случай!

Телятев. То-то она поглядывала на него очень сладко.

Глумов. Пусть маменька с дочкой за ним ухаживают, а он тает от любви; мы доведем их до экстаза, да потом и разочаруем.

Телятев. Не ошибись. Поверь мне, что он женится на Чебоксаровой и увезет ее в Чебоксары. Мне страшно его, точно сила какая-то идет на тебя.

Подходит Кучумов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Телятев, Глумов и Кучумов.

Кучумов (*издали*). Ma in Ispania, ma in Ispania... mille e tre...¹ (*Подходит гордо, подымая голову кверху*.)

Телятев. Здравствуй, князинька!

Кучумов. Какую я сегодня кулебяку ел, господа, просто объеденье! Mille e tre...

Глумов. Не на похоронах ли, не от кондитера ли?

Кучумов. Что за вздор! Ma in Ispania... Купец один зазвал. Я очень много для него сделал, а теперь ему нужно какую-то привилегию иметь. Ну, я обещал. Что для меня значит!

Глумов. Да и обещать-то ничего не значит.

Кучумов. Какой у тебя, братец, язык злой! (*Грозит пальцем*.) Уж ты дождешься, выгонят тебя из Москвы. Смотри. Мне только слово сказать.

Глумов. Да ты давно бы сказал; может быть, бог даст, попаду в общество людей поумней вас.

Кучумов. Ну, ну! (*Махнув рукой*.) С тобой не сковоришь.

Телятев. А коли не сковоришь, так и не начинай. Я всегда так делаю.

Кучумов. Mille e tre... Да, да, да! Я и забыл. Представьте, какой случай: я вчера одиннадцать тысяч выиграл.

Телятев. Ты ли, не другой ли кто?

Глумов (*горячо*). Где и как, говори скорей!

Кучумов. В купеческом клубе.

Телятев. И получил?

Кучумов. Получил.